

Они пошли не тем путем
Рецензия на книгу: Feminism for the 99 Per Cent:
A Manifesto by Cinzia Arruzza, Tithi Bhattacharya and Nancy
*Fraser. London, New York: Verso, 2019**

Лорна Финлайсон

“Антикапиталистический феминизм стал сегодня мыслимым, – утверждают Чинция Арруцца, Тити Бхаттачарья и Нэнси Фрейзер в “Феминизме для 99%”, – “отчасти потому, что доверие к политическим элитам во всем мире рушится”. И они правы. Но длительная гегемония той версии феминизма, которая находится в сговоре с дискредитировавшей себя политикой, сделала альтернативы более сложными для артикуляции. Слишком часто вместо серьезных попыток подобного мы видим только ритуальные заклинания: феминизм должен быть интерсекциональным, международным, антикапиталистическим, анти-эйблистским и так далее. Удлинение списков и аббревиатур – LGBTQIA, WNBPOC – гарантирует, что несколько угнетенных групп уже “включены”, как если бы этого было достаточно, чтобы предотвратить соучастие в том, в-чем-феминистки-не-должны-быть-замешаны.

Арруцца, Бхаттачарья и Фрейзер постоянно попадают в эту ловушку. В остальном они тяготеют к теории, разработанной марксистскими феминистками в 1970-х годах, что капитализм зависит от неоплачиваемого “репродуктивного” труда женщин – это вся деятельность, способствующая поддержанию возможности и способности трудящихся (как правило, мужчин) выходить каждый день на работу и приносить прибыль для капитала. Этот труд как таковой часто не замечается, но он включает в себя длинный список задач, традиционно и по-прежнему по большей части выполняемых женщинами, таких как уборка, приготовление пищи, стирка, воспитание детей и различного рода уход. По мнению авторов, которые входят в число организаторов забастовок, которые с 2017 года ежегодно проводятся в Международный женский день, решительный отказ женщин от продук-

* Перевод (с сокращениями) Вячеслава Данилова сделан по изданию: Lorna Finlayson. Travelling in the Wrong Direction // LRB, Vol. 41 No. 13, 4 July 2019.

тивного и репродуктивного труда способен нанести ущерб патриархату и капитализму на уровне его основы, на что не способны традиционные профсоюзы. “Воздержавшись не только наемного труда, но и от неоплачиваемой работы по социальному воспроизводству”, женщины-забастовщицы “раскрыли незаменимую роль последних в обществе”.

Но вряд ли женские забастовки способны на нечто большее. В конце концов, Материнское воскресенье – день, когда мы “ценим все, что мамы делают для всех нас”, как учит нас реклама, – также раскрывает значение репродуктивного труда женщин. В качестве радикальных усилий по выводу трудовой силы из-под контроля капитала, эти забастовки не идут ни в какое сравнение с организованными акциями индустриальных рабочих. Отказ от оплачиваемого труда бьет по капиталисту в виде навсегда потерянной прибыли. Последствия же отказа от неоплачиваемого репродуктивного труда сомнительны. Если труд принимает форму ухода за социально уязвимыми, такими как дети или пожилые родственники, подобный отказ очевидно неприемлем. В случае же труда, который не является вопросом жизни и смерти – мытьё посуды или уборка пылесосом – женщина либо сделает это позже, либо это сделает за нее кто-нибудь другой. Или никто этого делать не будет, и дом станет немного грязнее. В лучшем случае, мужу или молодому человеку может стать стыдно, что он не занимается тем, чем обычно занимается женщина. А капиталист от подобного не страдает и даже ничего не замечает.

Центральная идея, что женский труд – тоже труд, и что капитализм извлекает из нее выгоду, пусть и косвенную и невидимую – безусловно важна, но я никогда не была полностью уверена, что именно мы должны с этим делать. Действительно, ее первые энтузиасты развили ее в разных направлениях: одни, такие как Сильвия Федеричи и Сельма Джеймс, основали движение “Заработная плата за работу по дому”; другие, как Анжела Дэвис, с нетерпением ждали отмены домашней “каторги” и ее замены социальными услугами. Для многих “репродуктивный труд” является достаточным ответом на вопрос, почему феминизм должен быть антикапиталистическим: поскольку капитализм эксплуатирует неоплачиваемый труд женщин, он несовместим с гендерным равенством; если вы хотите избавиться от патриархата, вы должны избавиться от капитализма. Но утверждать, что капитализм извлекает выгоду из подчинения женщин, это совсем не то же самое, что утверждать, что капитализм в собственном существовании зависит от подчинения женщин.

Как пишет Дэвис в статье от 1977 года, подготовленной во время ее тюремного заключения, появление капитализма создало новую форму

подчинения женщин на дому. То, что именно женщины были подчинены таким образом, не было случайностью, а функцией более ранней, докапиталистической истории гендерного разделения труда, в которой женщины, внося существенный вклад в общественное производство, были “социально привязаны к своей репродуктивной роли” в тех конкретных задачах, которые они выполняли. Дэвис опасалась жестко детерминистического подхода к гендерным отношениям. Тем не менее, она идет дальше наблюдения, что капитализм наследует и эксплуатирует разделение труда по гендерному признаку таким образом, чтобы увековечить патриархат, когда утверждает, что присущие капитализму противоречия системно порождают и поддерживают подчиненное положение женщин. Капитализм, хотя в принципе и безразличен к полу (он относится к людям в основном как к “абстрактной рабочей силе”), зависит от иерархической семьи, в которой рабочий способен отстаивать свою власть, для “поддержания рабочего как индивида”; семья служит для удовлетворения “все возрастающих потребностей трудящихся”, которые капиталистический способ производства иначе игнорирует и отрицает.

Несмотря на то, что данный подход полезен в качестве объяснения, почему при капитализме так упорно сохраняется патриархат, из него, вероятно, все же не следует, что капитализм строго влечет за собой патриархат. Капитализм подразумевает классовую эксплуатацию, и, возможно, что всегда нужны новые формы угнетения и разделения, чтобы сохранить устойчивость навязанного человеку отчуждения. Но из этого не следует, что определенную форму капитализма, которая в равной степени эксплуатировала бы оба пола (или все), нельзя создать, и, следовательно, что капитализм не может пережить конец патриархата. Заработная плата за работу по дому – пусть и в форме, далекой от ожиданий ее первых сторонников, – могла бы, вероятно, сыграть свою роль в таком сценарии. Главный вопрос заключается не в том, возможен ли по-настоящему гендерно слепой капитализм, а в том, будет ли подобное равенство достойным, чтобы за него бороться.